

ФАКУЛЬТЕТ В ЭПОХУ ПЕРЕСТРОЙКИ: ИНТЕРВЬЮ С Е.А. КЛИМОВЫМ

Представлены материалы беседы с профессором Е.А. Климовым, состоявшейся в 2006 г. Тема беседы — опыт деятельности декана факультета, впечатления о преподавателях, научной жизни МГУ, сравнение Московского университета с другими университетами.

The materials of the interview with Professor E.A. Klimov, held in 2006, are presented. Subject of conversation is the experience of the Dean of the Faculty, the impressions from lecturers, the scientific life of MSU, the comparison of Moscow State University with other universities.

А.Л.: *Уважаемый Евгений Александрович! Спасибо за согласие дать нам это интервью! Расскажите, пожалуйста, как Вы попали на факультет в 1980 году?*

Е.К.: Именно попал — благодаря счастливому (для меня) стечению неожиданных обстоятельств. Дело в том, что в моих «корочках» (в аттестате профессора) записана специальность «психология труда». А тут — бац! — получаю (в каком-то из последних месяцев 1979 г.) приглашение Алексея Александровича Бодалева (тогдашнего декана факультета) профессорствовать на кафедре психологии труда и инженерной психологии. Да еще и в «первопрестольном» вузе! Разве подобное может случиться дважды? Вспомнилось еще и такое событие. Как-то, будучи в Москве (в очередной командировке), я беседовал с Ниной Федоровной Талызиной. Разговор происходил аж на улице (около какого-то желтого столбика, кажется, перед входом во дворик ИСАА). Речь, понятно, шла о психологической теории обучения. Нина Федоровна при этом обронила фразу: «Вот хорошо бы, если бы Вы (т.е. я) работали у нас на факультете». Возможно, моя собеседница не помнит эту судьбоносную для меня обмолвку. Но что-то, а эти слова моя нервная система запомнила. И когда я получил приглашение работать в МГУ, то мелькнула в сознании только что описанная ситуация, и я подумал: «Авось не осрамлюсь!» Так что особенных колебаний (борьбы мотивов, если угодно) у меня не было. Понятно, А.А. Бодалев согласовал мой переход на работу из Питера в Москву в соответствующем отделе ЦК КПСС (без этого подобные дела тогда не творились). Он (А.А. Бодалев) позаботился и о том, чтобы мне предоставили квартиру (как-никак, я

Беседу вела **Анна Алексеевна Леонтьева**, в 2006 г. — аспирантка ф-та психологии МГУ, ныне — ст. преп. МГППУ.

был человеком семейным); думаю, что это было ему не просто сделать. В Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена (ныне — Российский государственный педагогический университет), где я тогда работал на кафедре психологии, отнеслись к моей затее с пониманием. Кстати, работать в этом вузе было приятно и поучительно. Коллектив кафедры высокопрофессиональный, обстановка академичная, межлюдские отношения проникнуты доброжелательностью. Одно слово — Питер! Надеюсь, я не был там «белой вороной». Работал бы и работал. Но вот два указанных выше значимых события — приглашение А.А. Бодалева и обмолвка Н.Ф. Талызиной — привели к тому, что я попал, как Вы изволили правильно выразиться, в МГУ им. М.В. Ломоносова.

А.Л.: *Какое впечатление было у Вас от факультета до этого и в какой степени Ваши ожидания подтвердились?*

Е.К.: Ну.. ведь, мне думается, все психологи, работающие, по крайней мере, вне Москвы, вырастали и вырастают (как профессионалы), жили, живут и, думаю, будут жить с неперменной «оглядкой» на психологов в Московском университете. Это было еще и до обособления факультета как структурной единицы. Факультет для меня — это ведь не стены, не лестницы и подобное, а люди. Едва ли Вы думаете, что я не знал о том, что они — эти люди — умеют делать и что сделали. Да что там я! Когда я еще учился в Казанском университете и ходил в психиатрическую больницу (мой научный учитель — Вольф Соломонович Мерлин — дал мне на третьем курсе тему по трудотерапии), один мой наблюдаемый (душевнобольной) не без гордости мне сообщил, что его обследовал известный психолог А.Р. Лурия. Окончив университет, я, как тогда водилось, бывал в командировках в Москве. Имел честь встречаться и с сотрудниками факультета. Так что «впечатление от факультета» у меня не однократный акт, а многолетний процесс. Я уже где-то писал (и, кажется, не один раз), в частности, о своих встречах с А.Н. Леонтьевым. Написал и о П.Я. Гальперине (текст находится у А.Г. Лидерса, пока еще не опубликован; была моя рецензия на работу Петра Яковлевича в ж. «Вопросы психологии» еще в 1976 г., в последнем, помнится, номере). Мы — «периферийщики» — знали о психологах Московского университета. И отношение к ним у меня лично издавна было самое благоговейное. Ну а к стенам я довольно-таки равнодушен, и это один из моих недостатков. Утешаюсь тем, что Аристотель бродил со своими учениками вокруг Афин. И ничего — многое создал на века. Академик А.Н. Колмогоров — очень продуктивный математик — любил бродить со своими аспирантами по лесу, обсуждая фундаментальные проблемы. Не важно, где и на чем сидит работник науки, главное — чем занята его голова. Извините, отвлекся. А что касается того, подтвердились ли «ожидания», то вернее будет сказать, что и до сих пор действительность, скорее всего, то и дело превосходит любые мои «ожидания», если они и есть. Вот, положим, приходит женщина, тихо, «без фанфар».

А оказывается, она затеяла и разрабатывает со своими аспирантами дифференциальную возрастную психологию. Я говорю в данном случае о Г.В. Бурменской. Раньше возрастная психология была, можно сказать, достаточно «огульной» («дошкольник вообще», «младший школьник вообще» и т.п.; это, впрочем, тоже важно). А тут — нате вам! Новый подход. И похоже, все учебники по возрастной психологии придется со временем переписывать. И подобное можно сказать об очень многих сотрудниках факультета. В.А. Иванников в своих работах, как мне кажется, показал, что в психике нет такой целостности (чуть не сказал: «такого чудища»), такой реальности, которая соответствовала бы слову «воля». Да, есть процессы волевой регуляции движений, действий, деятельности... Это ведь подобно тому, как в естественных науках в свое время отбросили пустые слова о «теплороде», «флогистоне», «неподвижном эфире». Но в естественных науках произошли своего рода «наукотрясения» — стали все переосмысливать, переписывать. А у нас пока «наукотрясения», правда, не заметно. Опять пишут учебники, в которых определяют, что такое «воля». Диссертации, вероятно, замышляют о воспитании воли. А ведь, думаю, придется рано или поздно переписывать соответствующие материалы. Мне кажутся очень продуктивными, «прорывными», например, идеи Ю.К. Стрелкова при рассмотрении явлений психики в связи с категорией времени; идеи А.Г. Асмолова, в частности, о «шкале неопределенности». Подобное же, если основательно заняться, можно сказать об очень многих сотрудниках факультета. Не говорю уж о В.Ф. Петренко, работы которого заметили весьма серьезные представители смежных наук (он, как Вы знаете, — член-корреспондент Российской академии наук). Я когда-то (в 1990 г., в предпоследнем, помнится, номере «Психологического журнала» даже писал о факультете — «Штрихи к лику факультета психологии МГУ»; кому интересно, — найдут).

А.Л.: Если сравнить факультет психологии МГУ с другими вузами и исследовательскими коллективами, в которых Вы работали (в Казани, Ленинграде), то какие черты и особенности сразу бросились Вам в глаза?

Е.К.: Казанский университет — вуз с хорошими традициями, и там вполне «светлые головы», у которых было чему поучиться. Если помните, в свое время (где-то в середине XIX в.) ректором его был Н.И. Лобачевский — один из величайших новаторов в науке. Да и гуманитарный цикл, по крайней мере, в мое время был там (в КГУ) представлен достаточно ярко. Могу хвастаться, что я там учился. В Ленинграде (до перехода в «герценовский» институт) я работал во Всесоюзном НИИ профтехобразования. Этот институт находился в системе не научных, а так называемых государственных (управленческих) учреждений. Особенностью здесь (по сравнению с любым

вузом) было то, что культивировалась достаточно четкая, даже жесткая исполнительская дисциплина. Надо было учиться и уметь «работать по заданию». Это нормально. Я там заведовал отделом психологии, на который была возложена задача не просто «чесать в затылке и делать любую науку», а координировать работы по профориентации в стране. Была соответствующая государственная тема пятилетнего плана. Ну, мы с сотрудниками (я их вспоминаю с благодарностью) и мобилизовались на ее выполнение. Проводились, в частности, все-союзные совещания, координационные совещания представителей многих учреждений-соисполнителей. Ну и сами работали в данной проблеме «во все тяжкие». Отчитались и в Госпрофобре и в Госплане. Мне этот период работы дал полезный опыт, в частности и административный. Правда, после завершения темы я чувствовал себя сильно «выдохшимся», сон стал плохой. Я напросился в клинику неврозов (предрассудков по части неврозов у меня нет, а в этой клинике «больничный лист» давали почти на месяц; можно было «трусой бегать», бездельничать, в волейбол играть). Ничего, поправился. Это все, быть может, и дало после основание кому-то из московских коллег пустить слух, что «Климов сбежал из ленинградского сумасшедшего дома». Но я воспринимал это как продукт острого ума, шутку. У Вас может возникнуть вопрос, почему же я перешел в «герценовский» институт. Ведь работа во ВНИИпрофтехобразования была небезуспешной. Так-то так. Но меня пригласил директор института и сказал примерно следующее: «Евгений Александрович, мы (институт) хорошо прозвучали по проблеме профориентации (директор даже отметил, что институтом довольны в ЦК КПСС), а теперь надо прозвучать по проблеме обучения учащихся профтехучилищ». Тут во мне зыграла «университетская закваска», усвоенная еще в Казани. Я ответил примерно так, что я же не специалист по «озвучиванию» института. Сотрудники отдела вросли в проблему профориентации, у некоторых уже были сделаны кандидатские диссертации, есть многие публикации. Был замысел и частичный задел издать энциклопедию профессий для юношества. И что же я им (сотрудникам) теперь скажу? Бросайте, дескать, ребята, это дело и «переключайтесь» на другое! Не могу.. Конфликтик. Возможно, я поступил нехорошо (по отношению к сотрудникам прежде всего), что собрался уйти. Парторганизация, естественно, меня не отпускала, но помог тогдашний ректор «герценовского» института (у него было много учеников в обкоме партии). И меня в конце концов отпустили. А сотрудники все же «дожали» энциклопедию. Молодцы. Она вышла в шести томах — «Мир профессий» — в издательстве «Молодая гвардия» уже после моего ухода и без моего участия. А потом и многие сотрудники отдела «разбрелись» по разным местам работы. Повторяю, возможно, я поступил не лучшим образом. Но, в конце концов, я всего лишь человек.

А.Л.: Как Вы стали деканом?

Е.К.: Не я стал, а меня поставили. Заявления на эту должность я не помышлял подавать и не подавал. А.А. Бодалев, по-видимому, собирался оставить свой деканский пост. Потолковал в ректорате и ... меня однажды уведомляют, что есть приказ ректора о назначении меня деканом. Вот и «стал». Не бунтовать же?

А.Л.: Что Вас удивило, было неожиданностью, когда Вы стали деканом?

Е.К.: Ох, вопросики Вы задаете, как будто я компьютер и все помню. Возможно, многие вещи у меня вытеснились из сознания. (Папаша Фрейд тут дает мне спасительную «соломинку»). Но поскольку вопрос задан, я попытаюсь «выкрутиться». Вероятно, несколько неожиданным стало для меня то, что некоторые очень дельные сотрудники факультета не хотели меня видеть в роли декана. Ну, не нравился им этот Климов, и все тут (впрочем, я обычно и не рассчитываю на то, что должен кому-то нравиться. Я же не Брижит Бардо). Но постепенно все как-то «устаканилось», и мы уже давным-давно улыбаемся друг другу при встречах.

А.Л.: На что у Вас, как декана, уходило больше всего времени, внимания и сил?

Е.К.: Тут могу ответить вполне определенно (и я даже давал соответствующий совет декану, следовавшему за мной, А.И. Донцову; не знаю, принял ли он эту «заповедь» к сведению). Возможно, это тоже «крамола». Больше всего времени я тратил на то, чтобы узнать и понять, чем занят *каждый* сотрудник, что он опубликовал, что у него в замыслах, что он умеет делать, как работает со студентами. Вы подумаете: ишь ты, приспособился! Читать, глядеть, да разговаривать! Да, но сотрудники наши ведь выдумщики, у них все время что-то появляется новое. Они все пишут и пишут. А знать факультет — это знать людей. Возможно, я тут немножко «пересаливаю», сужу одно-сторонне. Но тратить время охарактеризованным выше образом мне сильно помогало то, что у меня была хорошая «деканатская команда». Заместителем моим по учебной работе была О.Г. Носкова, которая знала учебный процесс лучше меня. Кстати, работая в хорошем контакте с начальниками курсов и «лицом к лицу» со студентами, она даже знала многих из них (студентов) по имени. Заместителем по научным делам был В.М. Девишвили. Он видел то, что называют «научной жизнью» факультета, как на ладошке. И часто обращал мое внимание на то, что я, как говорится, не доглядывал. А что касается компьютеризации факультета, то в этих делах он меня даже, прямо скажу, просвещал, воспитывал в современном духе. С ректоратскими структурами, от которых зависела компьютеризация факультета, взаимодействовал именно он (В.М. Девишвили). Я бы тут и двух слов грамотно связать не мог. Больше того, мне был свойствен даже ретроградский ход мысли, хотя я это и

скрывал. А сейчас вот вам скажу (как «на духу»). Я думал примерно так, что вот, положим, А.С. Пушкин писал, кажется, гусиными перьями. Результаты известны. Наши классики психологии тоже обходились без компьютеров. Результаты известны. А сейчас компьютеров становится все больше и больше, есть даже эта «информационная помойка» (извините) — Интернет. А классики? Возможно, они и появляются, но не пропорционально темпам компьютеризации, информатизации общества... Вернемся к деканатской команде. Заместителем по общим вопросам (в частности, по финансово-хозяйственным) был (большую часть моего деканского срока) Ю.А. Самоненко, который в своем деле все знал и понимал тоже лучше меня. Заместители, занятые работой с иностранными студентами, сменялись, но последнее время этой частью работы ведал С.Д. Смирнов, который тоже не нуждался ни в каких подсказках. Наоборот, иногда что-то мне подсказывал. Признаться, заместители мои работали так толково и инициативно, что мне очень часто оставалось только одобрять их замыслы и дела. Я даже иногда шутил о себе, что я не «управитель факультета», а «зитц-председатель Фунт» (если помните, был такой персонаж у И. Ильфа и Е. Петрова). Вроде бы я ответил на вопрос.

А.Л. Как Вы считаете, как перестройка сказалась на факультете?

Е.К. Мне кажется, никто на факультете коленапреклоненно не молился на таинственное слово «перестройка». (Если помните, известный юморист М. Жванецкий правильно сказал примерно так: «Говорят, надо идти вперед и вперед, а где перед — не говорят»). Кстати, Петр Яковлевич Гальперин тоже как-то при мне уместно пошутил: «Говорят — давай-давай, а что давать — неизвестно». Правда, он имел в виду не государственную перестройку, а тех, кто пытается улучшить работу ума учащихся без опоры на психологию (на теорию формирования умственных действий). Извините, опять отвлекся. Вернемся к Вашему вопросу. Поскольку пресса вопияла о перестройке, приходилось как-то обсуждать соответствующие темы на факультете. И приходилось отчитываться в ректорате о ходе перестройки. А на самом-то деле шла обычная работа по улучшению дел, по преодолению «преткновений» (словечко, вычитанное у М.В. Ломоносова). Так должно быть всегда. Пересматривали, дорабатывали учебные планы, судили-рядили о перспективах развития факультета. Да мало ли текущих дел.

А.Л.: Расскажите о том, кто было Ваше начальство в период работы деканом, какие имело цели? Как Вы с ним взаимодействовали? Может быть, Вы расскажете отдельные эпизоды, из которых понятно, как были устроены эти отношения? Как менялось это начальство за 14 лет Вашей работы?

Е.К.: Вы уж не сердчайте на меня, но слово «начальство», мне думается, не подходит для обозначения руководителей «первопрестольного»

университета России. Вот когда я работал во ВНИИ профтехобразования, то там — да, было начальство. Придешь, скажем, к заместителю директора по науке. Он тебе дает задание. Ты начинаешь что-то рассуждать (о целесообразности, осуществимости дела, сроках и о подобном). Он не слушает, краснеет (эмоция какая-то), пишет тебе задание «под копирку» (для контроля) и говорит: «Идите и исполняйте!» Или еще. Если кто-то приезжает «сверху», из Госкомитета, то все должны сидеть на местах (не важно, что у тебя, скажем, запланированы работы где-то в пункте профконсультации, сбор эмпирического материала, встреча с педагогами или еще что-то). Всем сидеть на местах. А «начальство» будет ходить по отделам института и «беседовать» с сотрудниками. А потом может сказать примерно такое: «Евгений Александрович, ваши сотрудники не знают, что у них получится в результате. Непорядок». Я говорю, что это ведь исследование. Если бы заранее был известен результат, то зачем исследовать? Ответ: «Законы для всех одни. Трудящийся должен знать, что у него получится». Тут уж лучше замолчать и поблагодарить за совет. Простите, отвлекся (закон ассоциаций, черт побери). Так вот, когда я стал деканом нашего факультета, ректором был А.А. Логунов, первым проректором — В.А. Садовничий, проректором по группе гуманитарных факультетов (это было временное образование, во время перестройки оно существовало, а после его не стало; даты не помню) — В.И. Добреньков. Проректоры по хозяйственной работе менялись, и я не рискну точно их всех обозначить. Как вы знаете, ректором нашим давно уже является (решительно избран и переизбирался коллективом университета) В.А. Садовничий. Если хотите знать даты, надо листать материалы по истории университета. Первая особенность наших — университетских — руководителей видится мне в том, что они вникали и вникают в содержание работы факультетов. А.А. Логунов, правда, на факультет психологии не приходил, но в свое время внимательно меня выслушал и принял решение организовать на факультете лабораторию, о чем я просил. Я, правда, просил две лаборатории — «Психологии профессий» и «Психологии конфликта». Он сказал, что две создать не может, средств нет, а только одну. И посоветовал ее назвать лабораторией «психологии профессий и конфликта». Что ж, и это дело. Под таким названием она и сейчас существует. В.А. Садовничий много раз бывал на факультете. Всего не расскажешь. Вот вам симптоматичный штрих: он (математик) с интересом вникал во время «обхода» факультета, например, в экспериментальную работу Н.Н. Даниловой (кафедра психофизиологии). И это одна из черт стиля его работы — узнавать, что делают люди в университете. Виктор Антонович Садовничий оценивал наш факультет (публично, я, как говорится, «слышал своими ушами») весьма высоко. Кстати, могу похвалиться, что он (ректор) брал меня (понятно, как декана приличного факультета) с собой в заграничные поездки (в Венгрию, в Иран, в Германию). Вот вам намеки на эпизоды

взаимодействия ректора с деканом. В.А. Садовничий, например, поддерживал ходатайство факультета об организации кафедры психологии личности (под руководством А.Г. Асмолова). Понятно, предварительно расспросил, как всегда, всесторонне вник в эту затею. Плохо ли? А о множестве текущих дел разве коротко расскажешь. Всегда я встречал с его (В.А. Садовничего) стороны содействие — советом и практическим делом. И никогда никакого административного «нажима». Это — университетский стиль руководства. В.И. Добренков, по-моему, бывший аспирант Галины Михайловны Андреевой. Так что о факультете, его людях он и без меня многое знал. И в текущих делах (разве эту уйму припомнишь), как правило, содействовал. Вы спрашиваете о том, «какие имело цели» мое «начальство» в МГУ? По-моему, это ясно, как «дважды два — четыре». Общая цель — прогрессивное развитие образования и науки в университете. Я никого не «допрашивал», но это по делам видно. А вот еще отрывочные характеристики некоторых более частных целей. Несмотря на трудности, сохранить кадровый состав университета. Были в свое время значительные трудности с изданием учебников, сохранением и пополнением фонда библиотеки. И помню (в связи с этой ситуацией) решительное заявление ректора на одном из совещаний: «Последнее, что погибнет в университете, — это учебная книга». И еще Вас интересует то, «как менялось» начальство за 14 лет моей работы деканом. Если вы имеете в виду занятие и оставление должностей, то это лучше посмотреть в юбилейных публикациях по истории МГУ (я могу по памяти что-то исказать). А если Вы имеете в виду изменения характерологические, личностные, то это слишком тонкая «материя», чтобы я мог тут что-то достоверно знать.

А.Л.: *Как Вы считаете, как менялась научная жизнь факультета в период Вашей работы деканом? Какие появились возможности, ранее закрытые (книги, приезд иностранных психологов, что-то еще)? Какие возможности, напротив, уменьшились? И как это повлияло на жизнь факультета?*

Е.К.: Прежде всего, я стараюсь понять неформулированные предположения некоторых Ваших вопросов. Вы часто предлагаете мне припомнить нечто на факультете в связи со сроками моего деканства. И думаю: не считает ли она (т.е. Вы), что я вижу случающееся на факультете как результат своей работы или своих «промашек»? Т.е. не являюсь ли я таким нахалом, который видит причины изменений на факультете в работе декана? Нет, думаю, что не являюсь. Факультет вместе с Землей совершал ежегодные «бесплатные круизы» вокруг Солнца, был на факультете и пожар (сгорело «хозяйство» С.Р. Пантилеева), были даже «накаты» ракетиров на хозрасчетные подразделения факультета (и я добирался до Администрации Президента РФ, чтобы прекратить это безобразие; прекратилось), совершенствовались научная и образовательная работа... Но я уж не настолько самоуверен, чтобы видеть причины разнообразных

событий на факультете в деятельности декана. Факультет — сложная, самочинная система, включенная в некие объемлющие системы. И было бы неверным умозаключение: «в период деканства Климова, значит, по причине этого...». Ну, если я считал целесообразным не мешать работе сотрудников (об этом было сказано выше), а они профессионально совершенствовались (и я тут ни при чем), то «научная жизнь», по-моему, прогрессировала. Вы посмотрите, сколько оригинальных работ опубликовано. И было бы опубликовано, если бы декан хоть провалился в преисподнюю. Новые возможности, о которых Вы упомянули, появились не в результате работы декана, а в результате некоторых изменений в стране. Вместе с возрастанием хаоса, неразберихи стало чуть побольше и свободы. Для науки это последнее неплохо. А какие возможности уменьшились? Вот сейчас скажу «крамолу». По-моему, культивирование в обществе чичиковской идеи «Все на свете прошибешь копейкой» — снижает уровень бескорыстных побуждений людей. А научное познание зиждется на бескорыстии. Что, Л.С. Выготскому заплатили, что ли, за его оригинальные идеи? Работал «просто так». Сейчас я, конечно, не могу «указать пальцем» на какие-то проявления ухудшения в научных делах. Но опасность возникновения «продажности» науки (делать только то, за что платят), по-моему, есть. А ведь тот, кто платит, может ни уха ни рыла в науке не понимать. И может не платить за то, что важно для перспективы, а не «здесь и сейчас».

А.Л.: *Евгений Александрович! Сейчас, размышляя об опыте Вашей работы деканом, что Вы испытываете? Чем, какими конкретными вещами, гордитесь? Чему научились? В чем разочаровались? Каковы самые важные моменты и события для Вас и факультета за эти 14 лет? Как вы оцениваете жизнь факультета с 2000 года? Что для Вас важно на факультете сейчас и в будущем?*

Е.К.: Вы слишком хорошо обо мне думаете. Едва ли я размышляю о своем деканском опыте. Некогда. Ужас сколько еще не прочитанного мной. Да и «бумагу марать» хочется. А испытываю что? Не знаю, хорошо ли это, но испытываю облегчение, оттого что не тяну нелегкую «деканскую лямку». Горжусь чем? Что-то переживания гордости мне мало знакомы. Но доволен, что хоть не испортил, по-видимому, славный ход факультета — «большого корабля в большом плавании». Чему научился? Трудно это отрефлексировать... Наверное, научился видеть в человеке то, что не бросается в глаза. Очень содержательные у нас на факультете люди. Каждый — целая Вселенная. А глазу это недоступно. Так что, видимо, научился подходить к человеку с априорной предпосылкой о его значительности (будь то преподаватель, научный сотрудник или студент). В чем разочаровался? Ничего не приходит в голову. Какие события считаю самыми важными «за эти 14 лет»? Да уж — задачка для самого Господа Бога. «Всефакультетского потоп» не было, «манны небесной» не было. Шестуем по пустыне неведения и неопределенности.

Это — нормально. Но и тут я не выбивал «живительного источника» посохом из скалы (как это делал библейский Моисей, если помните). Я, чудак, важными событиями считаю новые мысли и находки сотрудников в области новых форм работы со студентами. Разве их сочтешь? Появлялись активные формы обучения, и хорошо, если бы их стало еще больше. Многие, очень многие подготовили и защитили на факультете диссертационные исследования (кстати, мы помогаем и соискателям ученых степеней, приходящим со стороны — из разных уголков России; думаю, что это одна из миссий первопрестольного факультета). А при чем тут я и «эти 14 лет»? Так было и будет, надеюсь, происходить и дальше.

Что важно для меня на факультете сейчас и в будущем? Возможность работать относительно свободно, поговорить с компетентными людьми. У нас ведь иной раз, идучи с кем-нибудь по коридору, узнаешь то, чего никто не знает. Куда уж лучше?

А.Л.: Еще раз искренне благодарим Вас за содействие!